Овсиенко Татьяна 14.4.95.

Звездное огниво

Татьяна ОВСИЕНКО: «Давай оставим все, как есть»

(о музыке, муже, фигуре и мулате)

Вар. Москва. — 1995 — 11 апр. — с. 5

● Современная эстрада богата миражами. Каждую вторую неделю на телегоризонте появляются новые звезды и, помаячив месяц-другой, растворяются в телеэфире, закатываются, истратив не столько творческие, сколько денежные ресурсы.

В конце 80-х у нас тоже был популярный «Мираж». Но один – под чутким руководством композитора Андрея Литягина. Помните молодежные дискотеки, самыми почетными гостями на которых были Светлана Разина, Рома Жуков... «Что же это было, скажи? Миражи...» (цитирую шлягер И. Николаева).

На последнем вираже популярности не только музыка связала группу «Мираж» с армией поклонников, но и Таня Овсиенко. Она тоже вышла из «Миража». Впрочем, журналисты уже вдоволь обмусолили историю о том, как юная киевлянка выскочила на сцену из костюмерной (что, в общем-то, лучше, чем из подворотни). Но даже если бы они так не усердствовали, Таня вряд ли забыла бы об этом периоде своего становления. Хотя бы потому, что ради своего дебюта она... преобразилась на 18 килограммов – без всяких там гелей, «Ультравитов» и «Гербалайфов», по рецепту, доступному всем, – она просто ничего не ела. Вернувшись с долгих гастролей, Андрей Литягин, считавший новую солистку девушкой в меру упитанной, увидев Таню, растерянно произнес: «По-моему, кушать уже можно». Но она решила навсегда распрощаться с прошлым, олицетворением которого были пухлые щеки. С тех самых пор держит себя в ежовых рукавицах и не позволяет себе никаких пампушек, пельменей и других калорийных национальных блюд, которыми гостеприимно потчует гостей.

– Артист становится у нас звездой не столько тогда, когда полстраны влюбляется в его песни, сколько тогда, когда, помимо этого, в народе о нем начинают ходить легенды. Могу тебя поздравить – легенды о тебе ходят.

– Уже лет восемь (с самого начала моей певческой деятельности) из разных непроверенных источников я узнавала о себе много интересного. Сегодня я спокойно отношусь к этому, а раньше – плакала, переживала... Потом решила: давайте ругайте, хвалите меня. Говорят – значит, я состоявшаяся артистка.

– Говорят, ты очень гостеприимна. И кто из великих деятелей культуры вхож в твой дом?

– Легче вспомнить тех, кто не был у меня в гостях. Но сейчас у каждого свои проблемы, поэтому и видимся чаще на сборных концертах, чем в домашней обстановке. А вообще у меня, наверное, все суперзвезды перебывали: кто намеренно, кто заездом, с кем-то встречались в аэропорту и приезжали на кофеек. Алена Апина, Игорь Николаев с Наташей Королевой, Игорь Крутой...

– У тебя есть для гостей коронный номер, традиционное блюдо?

– Борщ, вареники... Я с детства этому научилась. Друзья приходят и знают: борща-то они отведают обязательно. Я уже на этом так руку набила, что даже если приезжаю с гастролей на день – успеваю: ближе к ночи сделаю бульончик, все заправлю, а утром будет готово.

– Последнее время ты много гастролируешь. Почувствовала разницу между жизнью в Москве и в провинции?

– Раньше этой разницы не было видно. Конечно, Москва – это особенный город, столица. И все же я бы не сказала, что в больших городах были существенные различия. Разве что в ценах на продукты. Но вот в последнее время – это что-то ужасное.

Я никогда не забуду свою последнюю поездку в Ереван. Это один из моих любимых городов, раньше я бывала там в год по два раза. В прошлом году, когда мы с музыкантами отправились туда на гастроли, салон самолета был забит яйцами. Мы шутили – едем на грандиозную яичницу. Когда прилетела туда, в гостинице мне выдали свечку. Я насторожилась: к чему бы это? Из окна гостиницы не было видно ни одного дерева. Там был настоящий голод. Воду включали вместе со светом с пяти до шести утра. Дети в школу не ходили. Кто побогаче, те приобрели свои маленькие электростанции, на них же работали несколько ресторанов. Обед мы готовили на сухом спирте. Я была в шоке – Ереван практически неузнаваем. Свет дали ровно на два часа во Дворце спорта («регламент» моего концерта), а в гримерной я собиралась впотьмах, наощупь. Но на концерт ереванцы пришли. Меня всегда принимали там хорошо. Но публика была, конечно, не та, что обычно, много пьяных. Это вполне объяснимо: людям просто нечего делать – у них нет ни работы, ни досуга – у них нет полноценной жизни. Моя бы воля – я бы, наверное, отработала миллион концертов, если бы это помогло вернуть к жизни Ереван.

– Ты можешь позволить себе запросто пройтись по московским улицам?

– Мне этого очень недостает. Я даже мечтаю купить себе ролики, потому что практически нет времени разгуливать пешком да и узнают, за руки дергают – а тут никто понять не успеет, что это я пролетела, и в то же время ощущение, что ты на ногах. Иногда, когда появляется время и выходишь на улицу с собакой, то даже голова кружится от недостатка кислорода. Хотя Ленинский проспект – не лучшее место для прогулок на свежем воздухе. На гастролях, если концертная площадка недалеко, я стараюсь добираться пешком, даже после концерта. Мне говорят: «Ты что, с ума сошла – гулять пешком?». А кого бояться?

– И ни разу не было на тебя нападений фанатов? Мне кажется, это не очень приятно.

– На самом деле это совсем неприятно. Говорят, что я очень разная (внешне я имею в виду) – на сцене и после концерта. Милиция, конечно, должна быть рядом, потому что не угадаешь, какая публика. Но за эти годы я научилась общаться даже с пьяными. Я нахожу с ними общий язык и сама разбираюсь, без всяких охранников. А в основном у меня девчонки-поклонницы. От них всегда много шуму, пищат, кричат, поцеловать хотят... И чувствуешь себя неловко после концерта – усталая, потная... выхожу как-то через черный ход, а их там тьма-тьмущая. Я иду к машине, а они отталкивают: «Проходите, проходите, девушка...». Я слышу, переговариваются: «Ну где же она, ну сколько можно ее ждать?». Я уже прошла, меня уже отпихнули к машине, сажусь и слышу – завизжали, упустили. Раньше я хоть на каблуках ходила, а сейчас на низком, меня никто в толпе и не заметил.

– У нас считается, что певица обязательно должна быть высокой, очень красивой, заметной издалека. У тебя нет комплекса маленькой женщины?

– У меня другой комплекс: я не люблю смотреть на себя в телевизоре. Мне обязательно что-нибудь не нравится: то нос, то ноги. А ноги – это комплекс номер один. Мне кажется, что они должны быть какими-то другими, не такими, как у меня. И в зеркало я стараюсь смотреться только до пояса.

– Артисты как бы делятся на тех, кто считает, что между кумиром и зрителем должна быть безусловная дистанция, и тех, кто выходят в зал, пытаются эту дистанцию сократить до минимума. Что тебе ближе – находиться все время на подиуме или среди публики?

– У меня постоянно скандалы с телевизионщиками. Им нужно, чтобы я стояла на сцене, чтобы камера могла меня «взять», а у меня это не получается.

Я всегда волнуюсь, когда выхожу на сцену. Каждый концерт у меня начинается с дикого мандража. И успокаивают меня только они – только зрители. И с первой же песней я иду к ним, в зал. Поэтому я не люблю дворцов спорта, стадионов, там невозможно обежать всех, а мне хочется до самого последнего рядочка дойти. Была бы возможность взлететь на балкон, я бы ее не упустила. Я понимаю, что, может быть, и нужна какая-то дистанция, но у меня ее нет. Если мне говорят: «Стой на сцене, как истукан», я просто не знаю, что мне делать: мне мешают руки, ноги, ну не могу я стоять на месте. Только в зале я чувствую, что мои зрители вместе со мной. Бывает, что и перебарщиваю, потому что потом они за мной начинают все выходить на сцену. Однажды я выбрала мужчину из толпы, села к нему на колени... Ну он и решил воспользоваться такой возможностью – взял меня на руки и унес из зала. А зрители-то остались! Ну вернул, конечно. Смеялись долго над этим.

Вот поэтому меня очень трудно запечатлеть на пленку, практически невозможно. Я борюсь с собой, пытаюсь не «ходить в народ». А на концерте об этом забываю.

– Таня, когда артист вырастает из коллектива, обычно он не любит вспоминать об этом этапе своей карьеры. Я заметила, что ты о «Мираже» вспоминаешь с теплотой. Значит ли это, что твое расставание с группой прошло безболезненно?

– Я считаю, что «Мираж» меня сделал. Другое дело, что это была кассетная, дискотечная группа, и ее солистов почти не знали в лицо. Помните, был период, когда «Миражей» и «Ласковых маев» появилось несметное множество. Не поймешь, какой «Мираж» сегодня к нам приехал. До смешного доходило: у нас даже паспорта на гастролях проверяли: настоящий мы «Мираж» или липовый. Но в «Мираже» я была только группой «Мираж». Я работала так, как это было нужно руководителю группы и композитору. Конечно, мне хотелось делать что-то свое. Но если бы «Мираж» остался таким, каким он был, я бы, наверное, и по сей день выступала в его составе.

Но... приезжаю я в Киев встречать Новый год. Смотрю, показывают группу «Мираж», а пою явно не я и представляют – новая солистка. Для меня – это был шок. Как потом мне сказал композитор: я что хочу, то и делаю. Он всегда считал, что в группе должно быть две солистки. Меня просто забыли предупредить об этом.

Когда меня спрашивают, чего я в жизни боюсь, я всегда отвечаю – одиночества и предательства.

– Говорят, что в твоем доме живет негр. Познакомила бы.

– Сережа? Он живет на даче. Вместе с Никой, моей любимой собакой (московская сторожевая) и двумя котятами.

Когда моя Ника стала подрастать, мне стало трудно с ней справляться – выхожу гулять с ней и падаю, лечу вперед носом. Возвращаюсь как-то, дождь был, мы с Никой все мокрые... поднимаемся домой, а на батарее сидят двое мальчишек. «Вы не могли бы нам расписаться на открытке?». Я говорю: «Да, пожалуйста, давайте». А один из них, мулатик, говорит: «А я тоже здесь живу, и у меня тоже есть собака. Я, когда гуляю с ней, вижу вас. Хотите, я вам буду помогать?». С тех пор мы подружились. А потом я переехала, и Сережа, чтобы погулять с Никой, мотался в другой конец Москвы. И со временем стал членом семьи. До этого он жил с бабушкой и дедушкой, в многодетной семье, где были и темные, и белые детишки. С седьмого класса он ушел из школы... Сергей Джорджиевич, но он – русский. И очень преданный, добрый. Была бы возможность, я бы его усыновила. Недавно стал дружить с девочкой, но обещает мне пока не жениться – сначала закончить вечернюю школу.

– Из своей родной газеты и из «МК» я узнала,что у тебя кризис в семейной жизни...

– Ты будешь последним журналистом, с кем я разговариваю о личной жизни. Когда вышло это вранье, причем совершенно беспочвенное, я была в Киеве, у родных, и отвечать на все отклики после этих публикаций пришлось мужу. Ничего подобного я никому не говорила, никаких интервью не давала. Ну а ты же знаешь, как бывает в тусовке: стоит артисту поменяться, расцвести и тут же пошли сплетни – ага, что-то она стала хорошо выглядеть, прическу поменяла – значит, и любовник появился, значит, грядет скандал с оскорблениями, дележкой имущества и прочим. А ваша журналистская братия на такие слухи реагирует очень чутко. Так вот – в моей личной жизни все в порядке, и о своем муже и продюсере Владимире Дубовицком я не могу сказать ни единого плохого слова.

– И все же опять о слухах. Говорят, что Володя с ужасом узнает о том, что твои родственники едут к вам в гости.

– Не то что с ужасом. Просто на Украине люди отличаются гостеприимством, и застолья – в порядке вещей. У меня не такая уж большая семья: мама, папа и сестричка. И приезжают они не часто. Только маме, с тех пор, как я уехала в Москву, все время кажется, что я здесь голодаю. Вот они и привозят картошку мешками, яблоки, мед – обязательно огурцы... А мы потом голову ломаем: куда все это деть.

– Бывает у тебя хандра? И как ты с ней справляешься?

– Она у меня быстро проходит. Я гоню от себя дурные мысли.

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

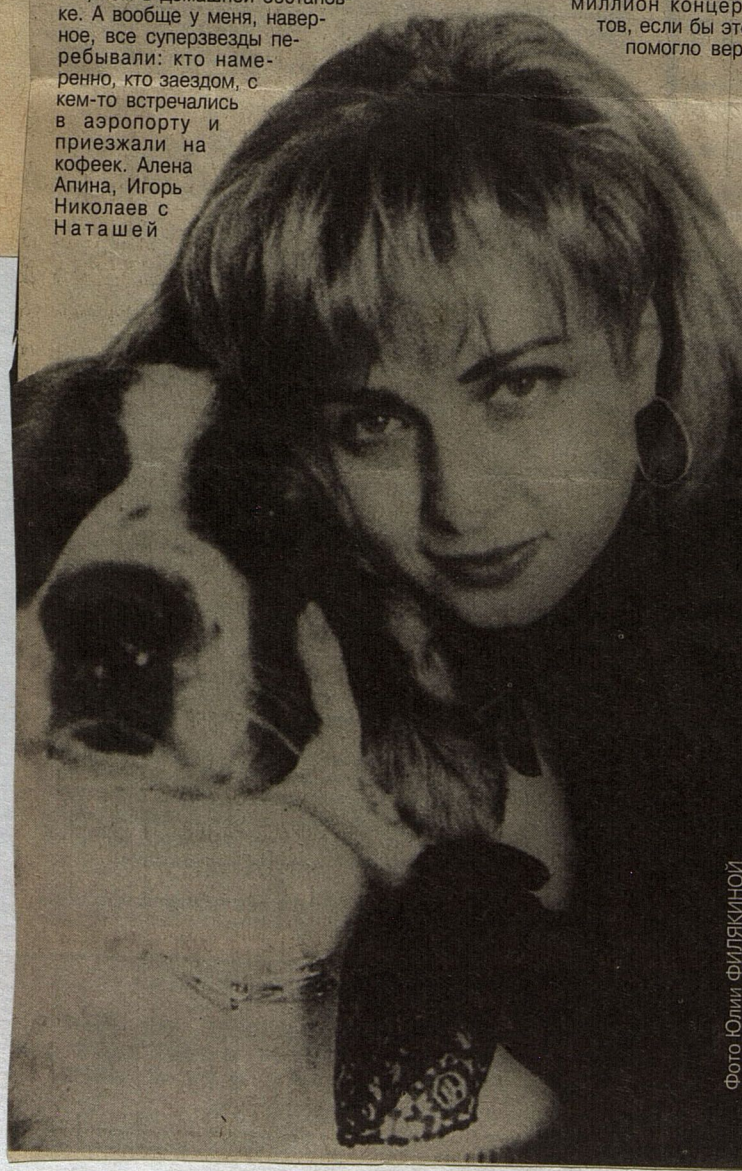

Фото Юлии ФИЛЯКИНОЙ